

Карл ШТАЙН**(Александр ЛЮБОМИРСКИЙ)**

По следам моей памяти

ИСПОВЕДЬ "ГАДКОГО УТЕНКА"

МАМА — ПУТЬ КО МНЕ

Возможно, я один из немногих оставшихся в живых "детей войны" — из семей репрессированных, "байстрюков" и "трофейных". Пацаном я жил под унижительным ярлыком "немчонок", но сохранил себя, пройдя тяжелый путь среди чужих людей, в домах и интернатах. Из страха преследований и физического уничтожения до последних дней своей жизни мать хранила тайну моего происхождения. Она умерла с именем моего отца, в один и тот же день и месяц, что и он, только с разницей в 33 года. По рассказам мамы, чудом сохранившимся фотографиям, малочисленным документам и собственным воспоминаниям я восстанавливаю свою биографию — принудительно пережитое, тяжелое прошлое, составляющее, тем не менее, мою Судьбу.

Моя мама Рина Любомирская, уроженка Бессарабии, села Каменка, 1913 года рождения, выросла и жила среди немцев-колонистов князя Видгенштайна — в зажиточной, интеллигентной и многочисленной семье Любомирских. Беда пришла в тридцатые годы, во времена "коллективизации", когда начались массовые аресты, ссылки и конфискации имущества. Семьи немецких колонистов погнали в казахстанские степи, а родителей мамы объявили "врагами народа".

Моя будущая мама с тремя сестрами жила в Одессе, окончивала институт связи. В 1937-м, возвращаясь из института, увидела, как забирали ее сестер — полураздетыми, с мужьями, малолетними и грудными детьми. Сохранились адреса, по которым жили сестры: Ленина, 27, Пушкинская, 77, Артема, 14. Судьбы их так и остались неизвестными. Зато известно, что в квартире на Пушкинской расположился НКВД, в остальных поселились сотрудники этого учреждения. А вскоре, в том же 1937 году, и мою будущую маму отправили на принудительные работы в Зауралье, где встретились и полюбили друг друга мои будущие родители.

ОТЕЦ — ПУТЬ КО МНЕ

Мой отец — Фритц Штайн — был из числа тех, кто бежал из Австрии, спасаясь от гитлеровского нашествия. Он думал найти приют в Советской России. Однако после торжественных встреч вагоны беженцев присоединяли к составам репрессированных из Прибалтики и Западной Украины. Под конвоем их отправляли в Сибирь на уничтожение.

Уже в Вене из архивных документов я узнал и попытаюсь восстановить трагическую судьбу моего отца и многочисленного семейства Штайн.

После аншлюса и прихода в Австрию фашистов начались массовые погромы, конфискации домов, земель, имущества местных евреев и противников режима. Мой дедушка Карл Штайн (в честь которого называли меня) был убит фашистами накануне дня рождения Гитлера. От переживаний бабушку Розу Штайн хватил инсульт, что и послужило причиной задержки эвакуации семей семерых детей из фамилии Штайн. В 1939 году все они были арестованы: Сельма 1891 года рождения, Маргит (1894), Оскар (1897), Генрих (1899), Фритц (1901), Йонас (1901), Франц (1902). С семьями и детьми они были отправлены в фашистские лагеря смерти Терезин, Бухенвальд, Аролзен — на уничтожение. Из документов о Холокосте я узнал, что Фритц Штайн с группой товарищей совершил дерзкий побег из концлагеря Аролзен. Бежали в СССР с надеждой. Но год спустя поздней осенью им вновь пришлось бежать по железнодорожному шпалам, но уже из сибирского ГУЛАГа, с лесоповала на

осыве. Промокшие и голодные, они прибрели к домику, где жила, работая инженером-путейцем, моя будущая мама. Приют и накормив, чем было, она устроила беглых рабочими на железной дороге. Знание языка, разумность и сообразительность Фритца объединяли моих будущих родителей. Но вскоре предстоящая проверка заставила их бежать и отсюда.

МАМА И ПАПА — ПУТЬ КО МНЕ И СО МНОЙ

Отец с матерью взяли курс на Казахстан, где среди немцев-колонистов рассчитывали найти хлеб, уют и убежище. Фронт 1941 года застал их под Сталинградом, где они заключили брак, свидетельство о котором стало их единственным условно надежным документом. Отсюда с последними вагонами эвакуирующихся заводов они отправились в Среднюю Азию. Перед очередной проверкой документов они решили покинуть поезд. Пройдя по степи и песчаным барханам тяжелый путь, мои будущие родители оказались на окраине города Коканд. Мама была на последнем месяце беременности. Их приютила многодетная узбекская семья, где и прошли роды моей мамы. От волнений и истощения у мамы отсутствовало молоко, и тогда мусульманская женщина вскормила грудью меня и своего сынишку Юсуфа (это мой молочный брат). Отец был прекрасным механиком. За пару лепешек и миску плова он сутками батрачил на тракторной станции, вытаскивая детали и восстанавливая разбитую технику. Имя Фритц, слабое знание языка, добродушие, работоспособность, легко собранная и восстановленная его умелыми руками техника — все это породило зависть и слухи о нем, как о "немецком шпионе", посланном Гитлером "для изучения советской техники и подрывной деятельности"... Это была паранойя сталинского времени. А поводами для ареста стали тетрадь с зарисовками деталей и разбавление отцом загустевшего машинного масла выжимкой масла из хлопковых косточек. Матери сообщили, что отца забирают для ремонта машин. А через день мать нашла умирающего мужа на окраине, в яме, с проникающими ранениями живота. Отец умер на руках у матери, умоляя ее сохранить жизнь своего единственного сына, а тело свое он просил перезахоронить на родине, в Вене.

Отца похоронили на окраине Коканда 25 октября 1943 года — у забора мусульманского кладбища.

МАМА — ПУТЬ РАДИ МЕНЯ

Мне было всего один год и два месяца, когда в последний раз меня видел отец. Избалованный узбекской детворой, я рос веселым кучерявым и светловолосым мальчуганом. Но счастье мое было недолгим. Однажды пришел сотрудник НКВД, чтобы меня отобрать у мамы — как "немецкого выродка". На крик матери сбежались узбечки, вытащили меня из рук жандарма. Ночью караваном верблюдов они отправили меня в Туркмению, к родственникам. Через некоторое время, устроившись прачкой в детдом, мать пристроила меня в группу девочек под именем Аля. Более двух лет я жил среди девочек. Было смешно и грустно. В 1946 году очередная комиссия обнаружила несоответствие пола. А спустя некоторое время где-то под Ростовом я стоял у калитки с надписью "Карантин", где за колючей проволокой объединялись в "Детлаг" несколько крестьянских домиков. Сюда свозили "байстрюков", беспризорных и "трофейных" детей, собранных с освобожденных территорий и Третьего Рейха. Мое имя — Карл Фритц Штайн — стало здесь олицетворением фашизма, объектом травли и издевательств. Под кличкой Фрицик я прошел жестокий

путь в борьбе за существование, через унижения, побои и произвол. Ожесточенные своей судьбой дети утверждали себя издевательствами, драками и ложным патриотизмом, пользуясь безразличием и подстрекательством воспитателей, для которых мы были "недочеловеки" из категории бесправных. Но здесь я получил первые уроки рисования от контуженого подростка Хасика (Ханса), привезенного из развалин Германии. (Потом из-за сильных побоев и издевательств он покончил с собой...)

С тех пор искусство стало для меня способом выживания. Нас умывали и красиво одевали, заставляли смеяться — но это для фотографий и смотров. Со словами: "Забудь, как звали тебя прежде", — многих забирали новые родители.

В скором времени приехавшая комиссия расформировала наш "Детлаг". Оставшихся детей под придуманными фамилиями распределяли по детдомам всего Союза. Я оказался в детдоме под Полтавой, затем — под Харьковом, а в 1948 году — под Одессой.

Я не знал слова "мама". А она, "тетя Рина", все это время, находясь незаметно рядом, работая на "черновых" работах, подкармливала и оберегала меня от произвола. Мама жила в Одессе, на улице Чкалова, 33. Там жили знакомые или родственники мамы — Марк Белин с женой и двумя детьми, Димой и Фимой (потом я нашел их, они живут в Сиднее). Рискую жизнью и свободой, они сперва прятали нас на чердаке, спاسая от НКВД. Затем, устроив маму работать в "красильню", помогли сделать паспорт и другие документы. Долгое время мама жила в полуразрушенном флигеле, по улице Баранова, 3, без всяких удобств, на 9 квадратных метрах. От полуголодного одиночества и отчаяния мама соединилась с человеком, с которым когда-то жила по соседству. Участник войны, сапожник по профессии, хотя и малограмотный, он сумел внушить доверие маме, обещая подержать и заменить отца ее сыну.

Я — ПУТЬ К СЕБЕ

И действительно, став сожителем моей мамы, он забрал меня из детдома и устроил в школу. Мы стали жить вместе, но со временем я стал для него чужим и ненужным. Как оказалось, он уже был женат и имел в Одессе двоих детей... Обиды, грубость и побои деспотичного человека стали причиной моих частых побегов. Удирая из дома, я жил на вокзале среди кочующих цыган, спал на развалинах, согреваясь теплом бездомных кошек и собак. Мать находила меня на чердаках и в подвалах, приносила еду, и, в слезах одаривая материнской лаской, она успокаивала меня чтением книг. Сказки Пушкина, Крылова и Андерсена по-доброму влияли на мой "одичавший стереотип". Любимой сказкой маминых надежд была сказка Андерсена "Гадкий утенок". В ней она видела мое отбращение.

Но вскоре с усугубившимся туберкулезом легких мать слегла в больницу, а меня снова отправили в интернат. Там и проходил мой подростковый период.

Но жизнь не озлобила меня. Я не попал в бандиты, что случилось с людьми схожей судьбы, а в 15 лет начал трудовую деятельность, овладевая многими профессиями и доводя их до совершенства. Подвижность и физическая выносливость были важной ступенью моего развития. Получая талоны на питание, я участвовал и побеждал во многих соревнованиях — по велогонкам и гребле, легкой атлетике, в стайерских забегах и стрельбе, порою выступая "подставой" под чужими фамилиями и именами. После неоднократных провалов при поступлении в художественное училище мать изменила мне имя и переехала на свою фамилию, что дало возможность получить высшее образование. Отсутствие отца влекло меня к интересным

людям и учителям. Упорством и усидчивостью я создавал себя. Главным физическим достижением в моей жизни стал альпинизм с его романтичностью природы и духовностью окружающих людей. С тех пор прошло много лет. Из полубеспризорного подростка я превратился в образованного и грамотного специалиста. Окончив с отличием художественную школу, поступил на художественно-графический факультет педагогического института. Вел научную работу по психологии творчества, параллельно занимаясь в медицинском институте, изучал анатомию, физиологию, психотерапию и возможности гипноза. До развала Союза состоял в Обществе психологов при Президиуме Академии наук СССР, находился у истоков применения гипноза в педагогике. По путевкам общества "Знание" ездил по стране, выступал с научно-познавательными лекциями, вовлекая в гипноз публику. Был тренером-психологом сборной команды Одессы по классической борьбе.

Работал учителем в школе и внештатным инспектором, помогал "трудным" детям и подросткам, направляя их на честный путь в жизни. Преподавал в академии строительства рисунку и графику. Участвовал в конкурсах художественной фотографии, архитектуры и графики. Любовь к искусству привела меня в кино, где несколько лет я работал художником.

В 1980 году был награжден дипломом кинофестиваля. Был главным художником Центрального района Одессы. Производил работы по парковой архитектуре, проектировал и участвовал в строительстве детских площадок, баров и дискотек, занимался оформлением праздничных и городских мероприятий. Проявляя интерес к таинственному, входил в группу экспертов Украинской ассоциации по исследованию аномальных явлений.

Выработав с детства неприхотливость "спартанской" жизни, воспитанный на полубесplatных работах, я довольствовался скромными заработками, грамотами и благодарностями. Но при всей общительности характера душевный шрам трудностей детства сделал меня замкнутым и сложным в общении, что сказало в личной жизни...

Я не был набожным человеком. Атеистическое воспитание в обществе было далеким от пути к Храму. Однако вся моя жизнь, прошедшая в иллюзиях прошлой эпохи, соответствовала Заповедям Господним. Перед Богом и людьми совесть моя чиста. Вырастил двоих детей, воспитал их честными и добрыми. Дал образование и отцовской заботой компенсировал то, чего сам был лишен в детстве.

Я не помню своего отца, не знаю (пока), кем он был, его положение в обществе, не знаю о судьбе его сестер и братьев. Возможно, где-то есть ветвь родства, но страшным временем пройденной жизни оборвана соединяющая нить.

Вся моя жизнь, мои достижения и успехи были посвящены светлой памяти отца — как символу добра и справедливости, возведенной моей матерью в культ. Это логичное завершение маминой мечты о "Гадком утенке" — в память о папе. Я надеюсь, что история моей жизни небезразлична тем, кто еще помнит и слышит в звоне церковных колоколов эхо безвинно убиенных и искалеченных душ уходящей эпохи.

Возможно, в Коканде еще живы те, кто пережил или еще помнит события этой страшной эпохи. Прошу помочь мне выполнить завет моей матери: найти могилку моего отца, сведения о которой мне почти не известны...